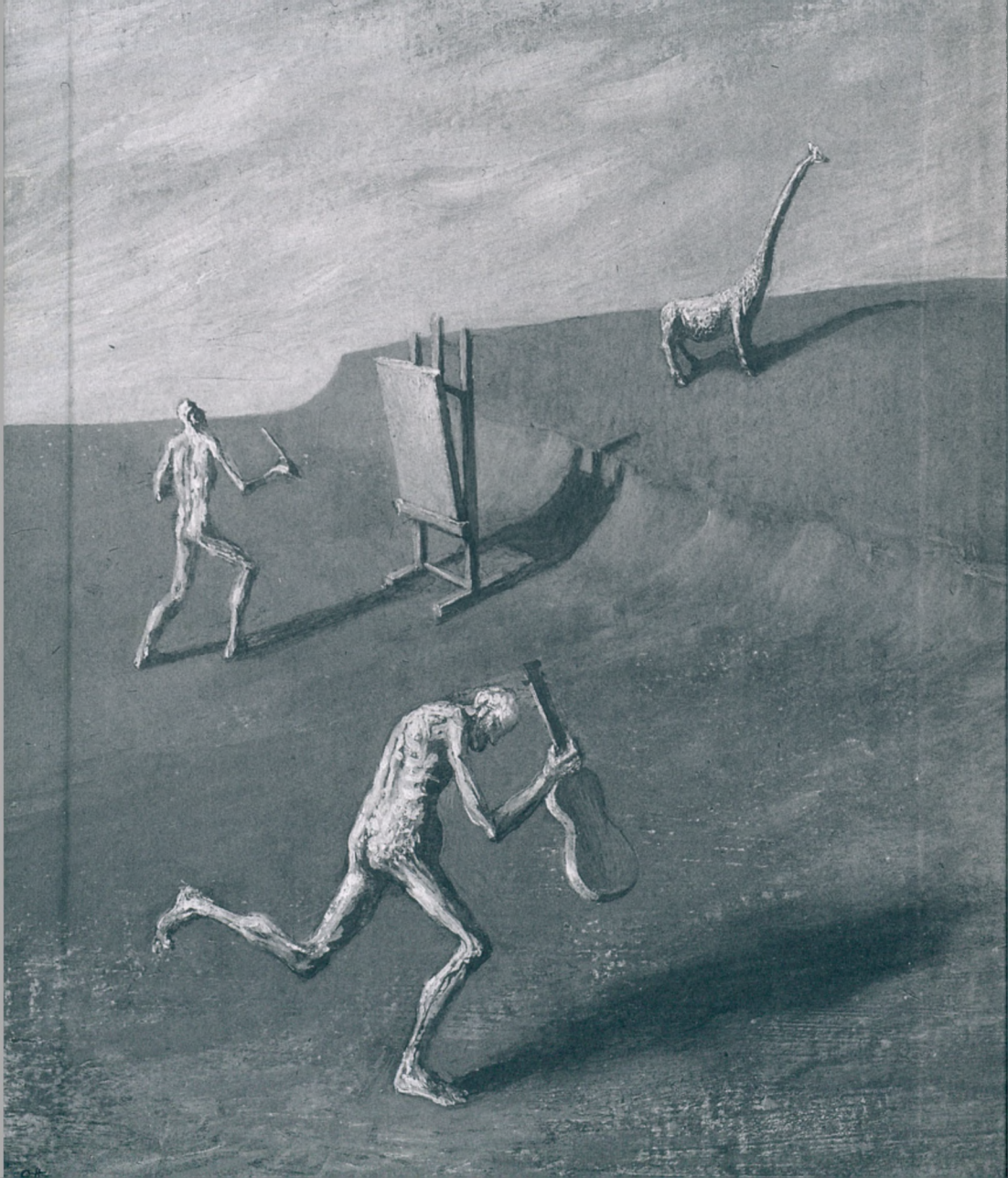
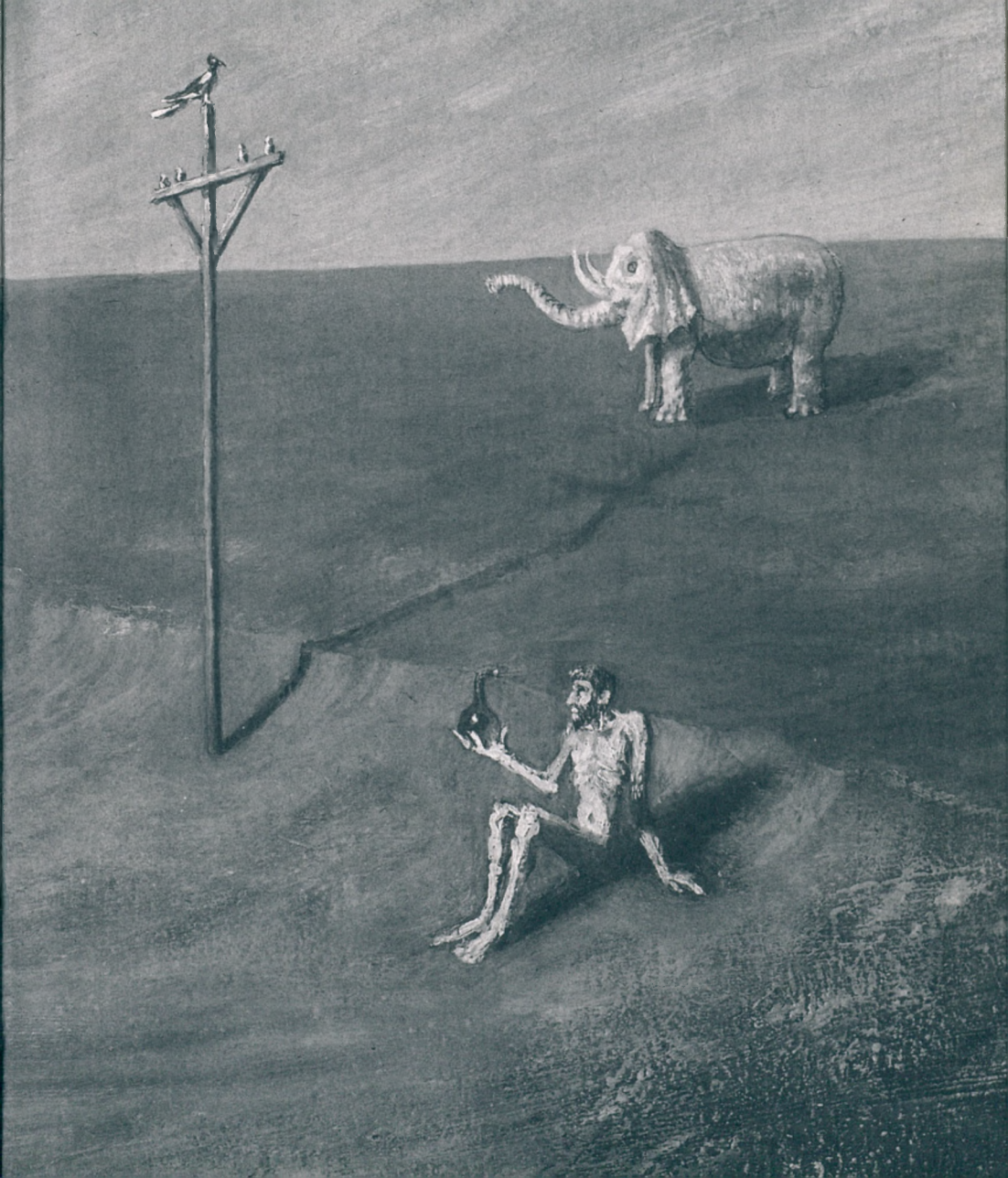


А.Х.В. + С.Е.

ГОРОДСКИЕ ПОЛЯ





ГОРОДСКИЕ ПОЛЯ



А.Х.В.

КАСЫДА МИНИСТРУ КУЛЬТУРЫ

ДОМКРАТ

РАЗГОВОР О ДУШЕ

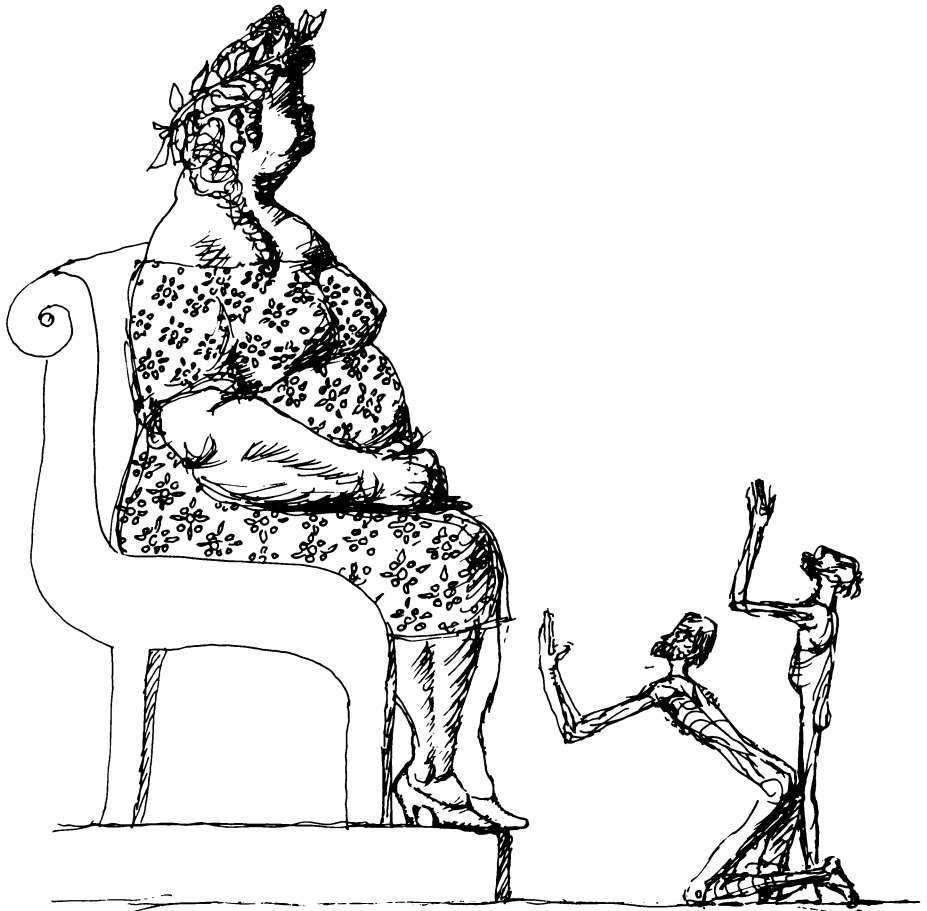
КРИТСКИЕ ВЫМЫСЛЫ

ЧАСТУШКИ



КАСЫДА МИНИСТРУ КУЛЬТУРЫ





SE 91
4.11

касыда министру культуры

К тебе припадаем, Министр Культуры,
Поэзии, прозы и прочей скульптуры
Тебя умоляем, Искусства Глава,
О ты, среди прочих министров – халва!
К твоим башмакам мы склонясь приникаем
И дергаем их, и шнурками играем
Чтоб луны твоих ослепительных глаз
С неистовых высей блеснули на нас
И чтобы ушей твоих праведный рупор
Скользнул с одобреньем по нашему крупу
И самый наш вопль донесшись к тебе
Служил к поощрению в нашей судьбе.

Суть дела – в моленьи, в покорнейшей просьбе:
Коль тело в болезни – в душе тоже гвозди
И дело касается лишь наших тел –
Других мы к тебе не преследуем дел.
Но если по телу душа познается
То нам к сожалению в начале придется
Забыв телеса пировать и плясать
Устройство и качество душ описать,
А как с незнакомцем беседовать тошно
То мы, твой вопрос исповедавши точно,
Намерены ниже себе посвятить
Смирненной Касыды покорную нить.

Нас – двое, мудрейших из ныне живущих
Мы в мире как нежные ландыши в гуще
Капусты кипящей в медлительных шах
Нас двое, как две незабудки борща
В бульонном отваре, покуда в нем свеклу
Не сварит стряпуха икнувши и екнув,
Но что суть цветочки – один или два

В сравненьи с капустой? Едва лишь едва
Ничтожный бесцветный почти что невидный
Под овощью прееет экстракт безобидный.
Чтоб этой зловешей судьбы избежать
Сперва повторим, а потом продолжать
Мы будем. Итак, значит, двое мудрейших
Из смертных и в мудрости наипервейших
Собою являем мы истины склад
И каждый из нас как двуглавый Сократ.
Да что там Сократ! Если ветхая Парка
Сбив клеток замки с мудрецов зоопарка
Под Будду подложит хотя б Лао-цзы
(Чем дале к востоку тем крепче узы)
Да царь Соломон их давя обоюдно
Уместится в правое мерное блюдо
Где гениев киснет заздравная гроздь –
Единую только ресничинку брось
От наших бровей или искорку взора
На левую чашу – как полная вздора
Как полная пены пустых пузырей
Взлетит к небесам чаша та что правей.

Теперь тебе ясно, наш славный Министр
Что мы суть две мудростью полных канистр
Мы двое цистерн высших качеств ума
И ты познакомился с нами двумя.
Мы просто пинцет философии всякой
Двуострый ланцет всякой мысли двоякой
И там где зубрится науки пила,
Там мы будем бриться, там наша взяла!

К примеру: Что суть небеса и пространство?
И что означает вселенной убранство?
Зачем во звездáх светоносная кладь
Раскинула в небе полночную гладь?
И что за министры в заоблачных тучах

Препятствуют падать светилам ползучим?
Ты только спроси нас, лишь молви вопрос –
Поднос из ответов получишь под нос.

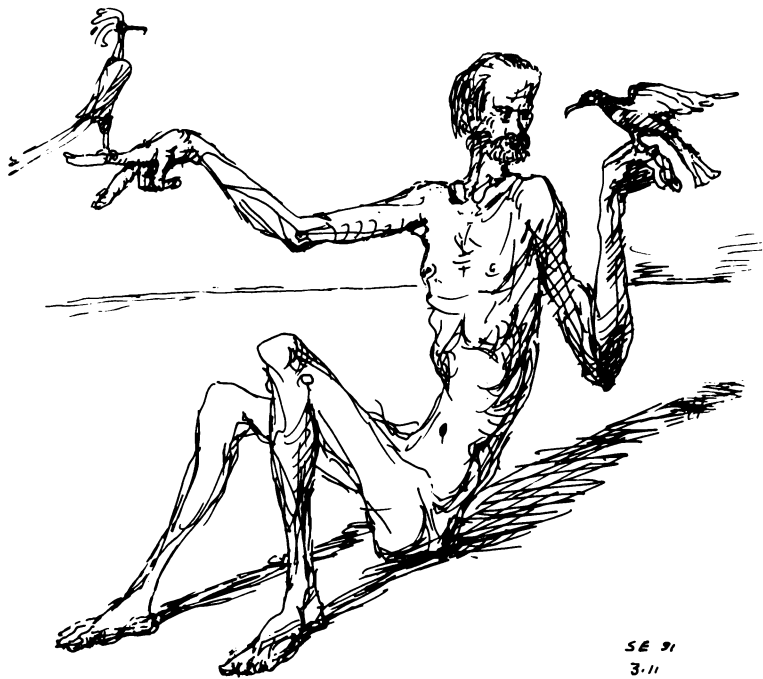
Итак, уважаемый нами Министр,
Как видишь, наш ум в совершеннях быстр
И остр как бритва и режет как нож
И шкуру без мяса и мясо без кож.
Да, шкуру любую из крепкого зверя.
Из птицы пернатой чтоб вытащить перья
Нам тоже придется не много корпеть:
Мы можем в мгновение все это успеть.
Но впрочем в поспешности мало достоинств
Ведь в спешке погибло бесчисленно воинств
За нами ж имеется качество дел
И каждый из нас в том премного успел.
Рассмотрим в наглядности множество множеств
Высоких искусств и искусных художеств –
Во всех же последних что ценит народ
Мы вышли и выползли много вперед.

Стараньями нашими прежние чувства
Алмазом сверкают в оправе искусства
Что прежде валялось как сгнившая падь
То в наших делах расцветает опять
Да, мы садоводы, Мичурины слова
В котором искусства таится основа
Мы пальцы всех рук что срывают плоды
Мы ступни всех ног что вскопали сады
Но вместо отрав и полей удобрений
Нам служит талант наш и собственный гений
И в наших сердцах эта дивная кладь
Имеет родник не стремящийся вспять,
Прекрасный родник, словно кольца и звенья
Журчащий в поэмах венцом вдохновенья –
Хоть букву любую из строчки возьми

Увидишь как мудрости клад в ней возник.
Премудрый Министр глаголов и знаков!
В угодах твоих приумножили злаков
Бесчисленно мы. Буди нам же хвала,
Прислуге ж твоей – пастила и халва.

Как сфера небес лишь усердьем Атланта
Не рухнет на землю – без наших талантов,
Без песен, что в муках творим мы вдвоем
Исчухнет весь мир как пустынь водоем
И в душах людей, о прекрасный Министр
Угаснут костры что возникли из искр
И углей горящих не сыщешь впотьмах –
Лишь злоба и зависть взгнездятся в умах.
Но слава нам, слава и всякая милость
В Министре Культуры на благо явилась
Отринуть он нас не посмеет и впредь
Чтоб было кому добродетель воспеть.

Не только мудры мы и блещем талантом.
Но нравственных свойств совершеннейшим бантом
Увенчана наша двойная душа:
Мы любим природу. Ах, как хороша
Природа! Мы любим и горы и реки
Мы любим леса и лесные просеки
Мы любим поля и мышей полевых
Поскольку не портят они зерновых
Посевов, и не повредив урожаю,
Свой род по норам веселясь продолжают.
Еще мы большие любители птиц:
Ворон, снегирей, всевозможных синиц
И к дятлам лесным уваженье питаем
И филина тоже дурным не считаем
Мы любим воробушка, любим орла
Клеста, трясогузку, чижка и щегла
Все это мы любим. А о насекомых –





О всяких клопах в шевелюре искомых
О разных жучках, о стрекозах и вшах
О тех у которых колени в ушах
Кузнеках то-есть, мы их разумеем,
Так мы против них ничего не имеем
Мы тоже их любим как любят траву
Коровы, что грезят травой наяву.

Но мы не глупцы современного рода
Что все восклицая: «природа, природа!»
Природу лишь любят в ущерб городам.
Нет, есть города симпатичные нам.
То центры промышленного производства
Столица – тот центр, где сидит руководство
И разные центры своих областей.
А то – кишлаки по краям промастей –
Все эти селенья – объекты симпатий,
А мы их субъекты, будь сказано кстати
Едва узреваем какой-нибудь вид
Мы вмиг ощущаем приливы любви
Затем разведя это нежное чувство
Мы честно его претворяем в искусство
Как выше доложено было тебе
Дабы ту любовь не держать при себе
А сделать народным ее достоянием:
Мы всех наделяем своим состоянием
Чтоб общество знало состав наших чувств –
Так служим мы делу культур и искусств.

Здесь нужно заметить, Министр, Министр
Что служим мы делу вполне бескорыстно
Не требуя пенсий, подарков, наград
Ни же гонораров и премий-зарплат.
В нас нет ни корысти ни лжи ни на скрупул
Ни зависти грана – мы истинный купол
Сверкающий тем, что отсутствуют в нем

Ложь, корысть и зависть и ночью и днем.
Мы служим Искусству, отнюдь не Маммоне
Искусству и Истине в общем билоне
Мы втуне не прячем еду в чемодан
У нас круглый год, как сплошной Рамадан.
Не Гаргантюа и Пантагрюэля –
Примером себе утвердив Ариэля
Мы инеем сыты, пьяны ветерком
Всю жизнь к совершенству летя пряником.

А если ты хочешь достоинств поболее
То скромность свою усмирив поневоле
Отметим свой гостеприимственный нрав:
Мы гостя накормим салатом из трав
В котором салатные листья суть строфы
В котором играют в метафоры дрофы
Где в масле постится лихой ассонанс
И гость залоснится поевши у нас:
На нашем чудесном двуглавом Парнасе
Гость свят нам, как будто свеча в ананасе
И мы чистоплотны как будто енот
А честны – ну в точности как гугенот.
Хоть список всех наших достоинств и качеств
Могли б мы пополнить запасом чудачеств
Однако серьезный почтительный тон
Что нами был избран, препятствует в том.

Ну вот, наш культурный Министр, заметим
Что качество душ наших в правильном свете
Тебе описали. Но ты не успел
Намека увидеть на качество тел.
Устройства мы их описать не умели
Покуда душа беспокойная в теле
Имела с ним самую крепкую связь
Но мы, вырвав кол и порвав коновязь
Отправили душ наших малое стадо



S.F. 91

Чтоб пели с трибун они всем на усладу
И крепче с тобою, Министр, слились
В экстазе с душой твоей крепче сплелись.
Надеемся, в нашем союзе ты третьим
Пребудешь как луч отовсюду заметен
Пребудешь как грач для грачиных семейств
Стремительный врач для целительных действий.
Но чтобы союз наш был сложен и прочен
Уверены в том мы, что прах между прочим
Для тройственных наших прекрасных затей
Нуждался бы в образ один. Для детей
В том был бы наглядный пример триединства
В телах же поэтому всякое свинство
Должны уличить мы: четыре руки
Из коих две нижних – две крепких ноги,
Одно из мудрейших устройств в нашем прахе.
Отсутствие крыльев отличьем от птахи
Нам служит хорошим. А ниже – рогов
У нас не найти как у коз и коров
И тщетна была бы любая попытка
Меж ног обнаружить намек на копыта
Тем самым спасаясь от града пинков
Отлично мы можем скакать без подков.
И плавать мы можем не скрыв свое тело
В чешуях как рыбы, и плаваем смело
Тогда как хвостов не имеем систем:
От рыб мы отличны и славимся тем.
Огромную пропасть в устройстве скелета
Имеем с жуками мы. В каждой примете
От них на отшибе стоим мы: паук
Имеет лишь восемь бездарнейших рук
А вот многоножка имеет их сорок
Но ей каждый палец как гривенник дорог
А наших десяток прекрасных фаланг
В себе заключают безмерный талант.
Нам пальцы помогут увидеть воочью

Что в душах – лишь призрак невидимый ночью
Хоть души суть благо и вечный эфир
Но повара пальцы устроили пир.
Чудесно мы разнимся с хищною тварью
Что мясо сырым не едим мы, а жарим
И варим и парим на ужин и впрок
О чем и мечтать не посмел бы сурок
Который в дыре распутивши по нотах
Полощет леща по примеру енота
И там где медведи лишь жрут и блокут
Обед создадим мы из тысячи блюд.

Итак, не похожи телами на зверя
На рыбу, на птицу, на их подмастерье
Жука, на пиявку, живет что на дне
Мы, словом, различия видим одне
Со всей этой фауной. С флорой к тому же
Не можем сравнить мы себя не натужась.

Действительно, взять хоть ольху или клен
Что влагой небесной стоит упоен
И сотнями сучьев бахвально гордится
И дуплами белки, и гнездами птицы
А пуше всего похваляясь листом
И корнем что в землю свисает хвостом.
Да, к нашей великой беде и досаде
Не можем сравниться мы с этой усальбой
Древесной столицей, предместьем купав
И трав деревенских у сточных канав.
И та лишь причина, что чин генерала
Еще не имеет вершина Урала
И ты, о Министр, не есть, скажем, боб
Дает нам надежду и шляпу на лоб.

Министр, именуя тебя генералом
Мы здесь сообщаем, что сходств с минералом

Иль с газом, как фтор или бром, его брат
С таким атмосферным явлением как град,
Трясенье земли, извержение вулкана
В себе не находим – не правда ли, странно
Что дух наш внутри зауряднейших форм
Витает вовне человеческих норм.
Весь вышеизложенный ряд аналогий
Из сферы ботаник, таких зоологий
Как химия или метеороло-
гия Не имеет почти ничего
Подобного тел нашим скудным строениям
Как Лоллобриджида с сосудостроением
Притом несомненно, что этот предмет
Не может быть нами немедля задет.

Заметь что тела наши крайне тшедушны
И душам подчас в них от этого душно
Случается так, что летает душа
А тело лежит никуда не спеша,
Иначе бывает – душа-то порхает
А путь пищеводный к хребту присыхает
И чает чего-то из низменных ед
Взыскав нутром угодить на обед.
Душа в упоеньи – проклятое в прахе
Елозится тело в дырявой рубаше
И в рваных штанах сам собой в магазин
Идем мы всем телом, что к счастью вблизи.
И тут мы, Министр, откровенно покаем-
ся, Что мы отнюдь не кефир покупаем
Но тело движимо на низменный счет
Напиткам иным отдает предпочт –
Опять же не чаю, хоть чаем подчас мы
Смирняем волнения плоти двучастной,
И все же ей люб не фруктовый сироп
Хоть чахла она как подземный укроп,
Нет-нет, но колебля коленным суставом

Плоть лепится к более крепким составам
И алчет питья из воды огневой
И вот наконец обретает его,
Но не обязательно полной бутылкой –
Бывает что частью – и воем в затылке
Тогда не встречаем мы утренний свет
Но хуже – коль денег на выпивку нет,
Весь вечер телесная немощь томится:
Червь просит попить да дать нечем напиться.

Такие тела у нас. Светлый Министр!
Ты видишь, что путь наших тел каменист
Зазорен, тернист, неудобен и тяжек
Как будто костюм без подтяжек и пряжек
Мешком восседает на выпранный дух
Убогое тело у душ наших двух –
Так словно колет на скелете атлета
Иль строки без рифм в середине куплета.
Сравни свое тело, Министр благой,
С любою конечностью нашей – ногой
Или же рукой в соответственном члене
Хоть левом, хоть правом – куда бы влеченье
Наклонности или обычай иль нрав
Тебя ни клонили, но свой и наш прах
Когда сопоставишь по мере приличья
В комплекции вмиг обнаружишь различье
А раз обнаружишь, то сделаешь сам
Тот вывод, что надобен ветр парусам
И кликнешь и крикнешь: Какие стихии
Такие тела обрекли дистрофии?
И како гнездясь почти что во труп
Взмывает их дух до зазвездных скорлуп?
А после подумаешь: Средство исправить
Имею. Останется только представить
Себе как вослед триединству души
Уж вздуются тела тройные шиши.



Когда бы ты нам уподобился видом
Телесно скача за духовным Майн Ридом
Весь мир словно главный его персонаж
Возмог б головами набить патронташ.
Два способа есть: иль тебе попытаться
Слегка похудеть или нам упитаться
На выбор тебе предлагаем любую
Заранее впрочем согласны с тобой.

Министр, у нас закрываются очи
Когда выплывая как солнце из ночи
Грядешь ты подошвою тучи толча
И свиту большую вослед волоча
Огромную свиту влача за собою:
Бредут литераторы дружной гурьбою
Художники, скульпторы громкой толпой
Хвалы распевая идут за тобой
Подобные звездам. Но эти светила
Подобны ночным незаметным светилам
Чей блеск затмевается солнца лучом:
Легко им блистать только в небе ночном.
Понятно чье именно где появленье
Способно одно просветить население –
Не нужно звезды, если есть в небесах
Светило дневное. И ты уже сам
Легко различаешь под солнечным светом
Что ночью чертимо безумным поэтом
Чему живописец нанес на холсты
Лишь око твое придает красоты
И все что творится в искусстве объемном
То тоже желает стать чадом приемным
Высокому блеску подобных очей
Дабы не иссякнуть как жидкий ручей
Который весною под зноем чрезмерным
Развеется в пар перестав достоверным
Ручьем в своем лоне стремиться к реке

И к морю что спит с океаном в руке.
Ты тот океан, что ручьями приемля
Журчание рек и морями объемля
Любой элемент средоточия влаг
Являет собой средоточие благ
Ты солнце в себе единый с океаном
Светила сияют в тебе безизьянно
С поверхности пар твоей к солнцу бежит
От солнца напротив твой луч дребезжит.
И так существуя, себе лишь довлея
Ты б вечностью правил отнюдь не имея
Во внешних искусствах ни малой нужды
Но благ ты – и этим прославился ты.
За то то тебя мы вдвоем восхваляем
В пыли твоих ног мы друг друга валяем
Дабы щедрых благ емкий ковш твоих рук
Швырнул нам немного внезапно и вдруг.

Довольно, Министр, пока, до свиданья
Прощай, только выполни наше желанье
Тебя похвалили мы тут, но учти –
Премудрый Министр не плюнет во щи
И борщ не смешает в кастрюле с помоем
Министр один, а нас все-таки двое.

А.Х.В.





ДОМКРАТ





ДОМКРАТ

трагедия

действующие лица:

Рашид — в кепке бескозырке
Девушка — лет двадцати семи
Домкрат и прочие

*Рашид и весел и упруг
Сидел вертя фривольный круг
Не покладая ловких чресел
Сидел и налетел на сук
Иль на костыль – двоим был тесен
Пространства сказочный сундук
Еще не наступила осень
Еще в разгаре было лето
В дороге пыль плыла столбом
Он руль разбил беззвучным лбом
И чуть не сделалася котлетой
Что пышет в хрупких сухарях
На сковородке и в дверях.
Предмет и вредный и негодный
Пронзил сначала каучук неблагородный
И он пронзенный зашипел
Затем пока он не успел
Окончить шип струи воздушной
Пронзил спидометр непослушный
Коловращению колес
Едва не обратя в погост
Автомобиль для персонажа
Рашид очнулся между гайкой и винтом
С каким-то ощущением пропажи*



SE

28-11
91

Потом

*Он весь осунулся однако не был болен
Он мог конечно слышать и смотреть
Но к сожаленью не был волен
Вершить свой путь вперед и впредь
Хотя и ожил. Это состоянье
Заставило его мысленно измерить оставшееся до города
расстояние*

*(78 километров по бульжнику)
И пересчитать сохранившиеся зубы
И тут он понял, что в его багажнике
Весь инструмент который был, был грубым
Для тонкого такого ремесла
Два колеса как два весла
Легли в канаву. Мост передний
Стал задним, а этот последний
Еще мерцал из сточных вод
И вот
Рашид понял что для ремонта и подъема
Ему домкрат необходим
Ибо до полного объема
Был путь обратный нелюдим*

Рашид (отряхиваясь).

*Что вижу я? – Не вижу ничего
Чего жую? (выплевывает зубы) Что ж это?
Я не ястреб и не ворон и не орел
Я не питаюсь падалью
Но и летать немного не умею
Повреждено все то что я лелею
Конструкция была – осталась фикция
Что если проще выражаться значит «хуже»
Вот транспорт мой –
Он стрекотал – теперь немой
Бежит бензин из нежных ран*

Мотору бледному на ужин
Один достанется бурьян
С двумя большими кизяками

(растапливает мотор)

Цилиндр пылает, вал карданный в пламени
Фантом стеклянный весь дрожит
А все проказник не бежит
Дрожит а не бежит как при землетрясении
Иль древовидное какое-нибудь растение
Иль просто дерево на утреннем ветру
Почуя в бегстве том ненужную утрату
Да, надо мне обзавестись домкратом
В ближайшем домике что виден мне вдали
А кузов мой пусть погниет в пыли.

*И этой мыслью приободрен
Рашид привел себя в порядок
То есть соскреб всю пыль с сидалища
Локтей и прочих выпуклостей тела
И бросив мутный взгляд на место катастрофы
Побрел по направлению к жилищу
Столь мудро расположенному рядом
С его чрезвычайной остановкой.*

Рашид, *(шествуя по направлению к виднеющейся за
деревьями веранде).*

Людской души многообразны фрукты
Касательно подъема тяжелых предметов ввысь:
Один уняв затейливую прыть
Спешит в гондолу отнести продукты
И надувает праздный водород
В пустоты ржавые холодных дирижаблей.
Другой пропеллером как тройственной саблей
Украшив с пуза выпуклую грудь

И лоном овладев аэроплана
Вот середь облак медленно и плавно
Сражает птиц мечтательную жмудь
Своим пареньем на высокой скорости.
Портальный кран из той же области
С него приятно прыгать с парашютом
Но в данном случае невзгод
Сдается мне что мне как будто
Домкрат мне больше подойдет.
Мой прост расчет: сей домик милый
Что мне пригрезился вдали
Пушай он маленький и хилый
Домкрат мне сможет подарить
Вернее дать взаймы на время
Неважно тó что он убог
Подчас достаток сеет семя
Где моет косточки порок
А вымывши вставляет их в засовы...
Кто расположен близ шоссе
Тот может после катастрофы
Собрать ненужный инструмент
Иль правильнее сделавшийся лишним
Поелику кончины самогó главного агрегата
Как это чуть не произошло в моем случае
И его владелицы с супругом
Духовной трезвостью богатым
Таким положительным во всех отношениях человеком
На зависть всем ее подругам
Нетрудно здесь обзавестись домкратом –
Одно шоссе на всю округу.
Итак я к дому подхожу
Прошу домкрат и ухожу
Беру домкрат и убегаю
С домкратом медленно бегу
Его использую, от радости моргаю
И вновь что надобно могу.



Я вижу дом уже почти
Как из него добыть домкрат
Он возведен на кирпичи
А вокруг него раскинут сад
В саду должно быть персики и лук
Растут в приятной близости с редисом
И деревья каждого украшен сук
Какой-нибудь обильною едою
Я захвачу домкрат с собою
Чтоб приподнять машину над землей
Но точно так же человек почтенной
Не может и побрезговать едой
Предложенной ему в уютной хате
К столу в таких местах бывают раки
К ним пиво – неременный атрибут
А коль кругом произрастают злаки
Должно быть кашу с маслом подадут.
Уже я чувствую рассол на языке
Фруктов хранящихся в подвале
И вот в моей протянутой руке
Что снабжена конечно вилкой
Лапша сверкает ниткою жемчужной
И путник страждущий назвать ее ненужной
Никак не сможет.
На десерт – мороженое...
Что может лучше быть
Когда устанешь ехать или плыть
Или как я разбившись ненароком
Побаловаться виноградным соком
Итак я кажется доволен
Не покалечен даже и не болен
Не огорчен и больше счастлив тем
Отсутствием дорожных знаков и систем.
О проза жизни! Горько мне признаться
Что не хочу к шоссе я возвращаться
Мне право лень приударяться вспять

Держа домкрат за рукоятку
Я не хочу чинить машину
Приподнимать ее на воздух
И ехать проглотив рейсшину
Дороги пыльной и убогой...
Но путь мой длинен, время мне не дорого
Еще я здесь побуду чтоб отведать творага
Глядишь – и к ужину попросят или
И ночевать оставят в загородной вилле
С тем чтоб позавтракав я мог не торопясь
С желудком полным ехать восвоюсь.
И вот иду я пережевывая пищу
С слезами благодарности к прекрасному жилищу
Держа домкрат в руке
В другой же бутерброд
Хочу как есть – хочу наоборот
А там играючи приделываю шину
На поврежденную машину.

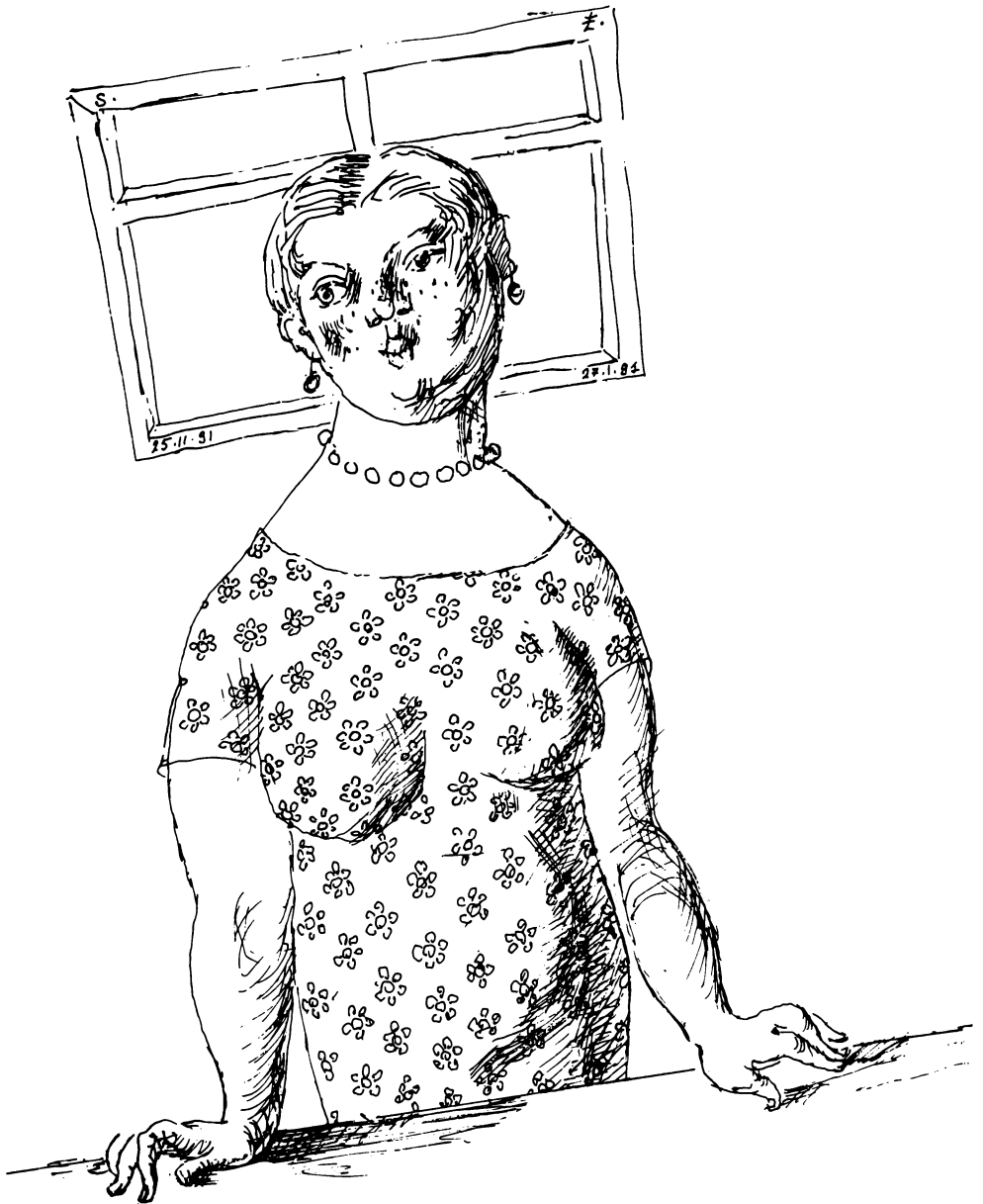
*Так рассуждал Рашид взбираясь на подъем
Что затруднял ему передвиженья к вышеупомянутой
постройке.*

*Четыре дерева стояли в стороне:
Два слева и одно поодаль.
Вообще же лес пошел на убыль
Чем ближе продвигался он к заветной цели
Светило солнце в туч большие щели
И припекало путнику затылок
И по причине этой неприятности
В нем зародилось зрелище бутылок.*

Рашид. Еда – едой, еда я рад.
Но ведь провизия мне в глотку не полезет
Без выпивки. Уж что греха таить
Я не поклонник трезвости и пить
Всегда мне доставляло наслажденье.

Вот даже дерево напившись без движенья
Стоит и лишь качается слегка
Словив приход от рюмки коньяка.
Ему так кажется мне больше и надо:
Напилося чтоб распространять прохладу
И тень бросать в ближайшую траву.
Как мудро все устроено –
Корова вон в глазах его утроена,
Глядишь и стадо вышло на бугор
Оно пасется там с тех самых пор
Как пьяный в кустиках валяется пастух
И спяну кукарекает петух
Сзывая пить проснувшееся население.
А речка – отчего бежит?
Или земля когда она дрожит?
В Ташкенте например землетрясенье...
Я думаю цистерной алкоголя
Не обошлось здесь. Трактор катит в поле
Заправившись каким-нибудь вином
А тракторист и думать ни о чем
Не может не распив бутыль
Дорога поднимает пыль
Ликуя впитывает капли мукузани
Ямщик лошадку запрягая в сани
Поет приятелю о неминуемой кончине
Да, ямщику как всякому мужчине
Перед дорогой надобно напиться
Чтоб легче было с жизнью распроститься.
Но и рождение связано с вином:
Коль скоро огородник продолжает род
Он перед тем споласкивает рот
И только после сладким засыпает сном,
Сапожник тоже гвоздь забив в сапог
Заглядывает в бочку
Отправив дочку
С ведрами по вбду

А та идет в кабак
И пьяная потом слезой сверкает
Когда ее спортсмены обнимают.
Все это происходит так
И не иначе
Иначе быть не может
Не должно быть
И мне лишь выпивка поможет
Оправиться после потрясения.
Мадера правда здесь нехороша
Но из нее я сделаю ерша
Смешав ее с прозрачной водой
А может быть со спиртом или с пивом,
Потом задумчиво попробую шампанского
Прищелкну языком
И облизав десну им
Еще аперитива выпью
А что не выпью просто вылью
Чтобы домашняя хозяйская скотина
Нанюхавшись благодарила путника,
Рашида то-есть, по-просту меня,
А я же ручкой подперев свой подбородок
Вокруг увижу самородок
Кувшина с квасом.
Его с холодным мясом
Употреблю конечно я до дна
А подконец закейфовав с абсента
Припомню я произведенья Кента
Где им изображенные киты
Дрейфуют в море выпивки пьяны
И лишь едва пускают дым из носа
Как будто курится большая папираса.
Потом и сам я выкурю сигару
С улыбкой глядя на Тамару
Или Машу
Хозяку может быть и вовсе молодую



Которая так вкусно приготовив кашу
И напоив меня, преподнесла домкрат –
Теперь уж я Рашид стократ
Способен починить свою телегу
И вновь предаться временному бегу.

Каков однако ж всюду зной...
Коньяк конечно привозной
Зато хозяйка будет местной
И здесь не будет неуместным
Чтоб с нею поболтать часок наедине
Коль молода она. Как может быть иначе?
Старухам страшно обитать в отдельной даче
Ограбит кто-нибудь иль хуже – убьет
На пенсию невысокую польстяться
Шоссе ведь рядом
Мало ли какой мерзавец шляется...
А-то еще в колодец свалится
Кто вытащит такую старушеницу?
Одна до ночи будет голосить:
Сыночек, дескать, дай поесть-попить
Я вся озябла, на костях лягушки
В суставах томно, ревматизм извел
Ну протяни ты рученьку старушке...
А тот внучок давно в запретной зоне
В каком-нибудь секретном полигоне
Мамаше строчит письмецо
Да бреет загорелое лицо.

Итак владелица домишка
Домовладелица сия
Юна, полна но без излишка
А так как солнце засияв
Уже давно стоит в зените
То и супруг ее силен
Пошел кормить свиней в корыте

Рабочим днем закабален
В совхоз окрестный. А ведь летом
Куда как долг день трудов
Вот он ушел перед рассветом –
Пришел домой пнем пень дубов
Лежит колодой безобразной
Переменяя речью храп
И что весной разнообразно
Тó летом часто прячут в шкап
С ненужной утварью: как тó – сковородками
Различными чайниками
Некоторыми пряностями
Между листом лавра и перцем
Ценою 104 рубля за килограмм
Там он припрятанный за дверцей
Лежит и плачет до утра
И тонкие лушит пылинки
Из-под расплющенных клопов
А в черепа морские свинки
От натруженных кулаков
Встают на голову и прыгают поодаль.
Но ежели он лодырь
И на работу не пошел
И потрудиться не поехал
С рассветом утреннего дня
Тогда он будет мне помеха
И кто осудит здесь меня
Когда его в необходимости подобной
Я попрошу взнуздать коня
Проститься вскользь с хозяйкой слобной
И поскакать в ближайшее селенье
Там взять у кого-нибудь маленький домкрат
Во всех вселив недоуменье
Сесть на коня и снова поскакать
Вернуться к вечеру и мне его отдать.
Итак его не будет дома

В теченье часу, даже трех
А чтобы не было Содома
Так может быть и четырех.

Последующая картина
Смывая прочие дрожит
На ней порвавши все плотины
Река стремительно бежит
Ломая оси, вырывая спицы
Гудят весенние дубы
На них спасаясь от судьбы
Одне порхают небылицы
Челны снуют вперед-вперед
Вот-вот и «Я» мое умрет
Но это мне не удастся
То блюдо вроде разобьется
Но снова склеено оно
Опять идет на то же дно
Выныривает обвешанное пузырьками
Как елка на ночном балу
И тень мохнатыми руками
Шершаво ползает по лбу.
Шестой уж час к исходу близок
На блюде едет много пчел
Померкло бледное плечо
И леденец меж двух ирисок
Почти прозрачная игла
Уходит мышью из угла
И отступает величаво.
Я окна ясно различаю
Усадьбы сладостной моей
Я вижу форточки и переплеты
Ужель уже у цели я?
Тогда прошайте все заботы
И здравствуй хижина моя!



57-213-51

А этот самый, что поскачет за домкратом
Скорей всего что не вернется ночевать
Оставшись у двоюродной сестры.
В моем распоряжении окажется кровать
Широкая как чернозем
На ней приятно было б поиграть
В преферанс с друзьями вчетвером
Но после незаметной первой ласки
Я позабуду запах автострады
А вспомню молодость
Как мальчиком я дыни воровал
Теперь я эти дыни поцелую
Сперва одну, потом другую
Потом коснусь ее опять
И наконец поворотясь
Коснусь тихонько той с которой начал
И так четыре раза повторю
Всю операцию. Потом я говорю
Ей сообщая
Что мальчиком любил я дыни воровать
Не зная что приятней целовать
И обнимать таких красивых женщин
Тут она очнувшись
Мальчиком меня неосторожно поименует
Напоминая об украденных у времени часах
И нежных дынях
И проведет рукой по голове
Ногой же по ноге
Которую я мог бы ушибить домкратом
Как помню в детстве самокатом
Когда был мальчиком и дыни воровал
Но тут велосипед
Она напомнит мне согнув одну из ножек
И к лампочке вторую протянув
И страсть усталость превозможет
Красивым глазом не моргнув

И все опять придет в движение
И загудит подъемный кран
Рокочет все сооружежье
И глухо сыплется в экран
Раннего утра...
Мне вспоминается романс
О том что на заре будить не надо
И я теперь пойму
Что может быть действительно не надо
Что хорошо смотреть как дышит утро на груди
И на плече
И в углубленьях возле крыльев носа
Вблизи приятных по воспоминаньям губ
И посреди красивой формы подбородка
Повсюду дышит утро. Как приятно
Что спит она...
Но тут я вспомню одного западноевропейского писателя
Который утверждал как достоверный
Проверенный и неременный факт
Что будто поутру все женщины нехороши
Я ж позабыв романс отечественного сочинения
Начну будить ее
Чтобы немедля опровергнуть этот вымысел
Она захочет встать чтоб приготовить завтрак
Но перед самым завтраком
Я даже не позволю ей подняться
Затем придет пора опохмеляться
И вот слегка опохмелившись
Там где-то между творогом и кофе
Я снова рядом с ней забывшись
Скажу что звать меня Прокофий
И где-то в середине дня
Довольно сыт и средне пьяный
Возьму домкрат едва поняв
К чему предмет мне этот странный
И на прощание опять

Прилягу с милой на кровать
А так как в северных широтах
В такой особенно поре
Темнеет рано на дворе
То я оставивши заботы
До воскресенья задержусь в уютном домике
Автомобиль мой не угонят
Уже я вижу черепичной крыши ромбики
Полуоткрытую калитку, ручку на дверях
Вот во дворе я, вот уже в сених
И спрашиваю, дома ли хозяйка,
И голос мне ее «Войдите – говорит –
Я дома».

Рашид входит. Он видит накрытый стол с большим количеством пищи и всевозможных напитков. Хозяйка действительно молода, лет двадцати семи, весьма недурна собой, хлопочет вокруг стола, прихорашиваясь у зеркала.

Рашид. Здравствуйте.

Деввица. Знаю, знаю
Домкрат лежит в кладовке позади
Бери его и уходи.

Рашид. Спасибо.

Берет домкрат и уходит.

А.Х.В.





РАЗГОВОР О ДУШЕ

разговор о душе

одноактная пьеса

действующие лица: яйцо
 скорлупа (яичная)

картина первая

камень. на камне яйцо. быстро темнеет. вдалеке слышны раскаты грома. слегка накрапывает дождь.

яйцо. хоть ты меня от влаги охраняешь,
но все-таки тобой я недоволюсь.
ты можешь треснуть и тогда
конечно все пропало.

скорлупа. твои претензии принять я не могу
желток твой и белок я охраняю
не только что от влаги но и от пыли тоже
и от нахальных муравьев,
а знаешь ты само, что то нелегкая работа.

яйцо. претензий я не предъявляю, я просто говорю
что мы одно: желток, белок и ты,
скорлупочка моя.
в виду же приближающейся тучи
хочу спросить тебя –
мы чье яйцо есть и почему на камне мы лежим,
столь одиноко.

скорлупа. яйцо ничье мы. просто так яйцо.
и все тут. ты хамские вопросы задаешь
в невежестве своем. мы просто здесь лежим,
чтоб не было другим повадно лежать
как мы лежим.

яйцо. я чувствую белком своим
рождение жизни новой в желтке своем
возможно то нетленная душа
живет во мне как я в тебе.
что значит это все. скажи мне.

скорлупа. яйцо, ты несколько сродни мне
и только потому не тресну я от смеха.
но право, мне смешно, я не могу сдержаться.
меня ты не вини.

(безумно хохочет. раскаты смеха совпадают с раскатами грома. первые капли падают на скорлупу).

картина вторая

утро. туман. камень. на камне яйцо. в скорлупе зияет трещина.

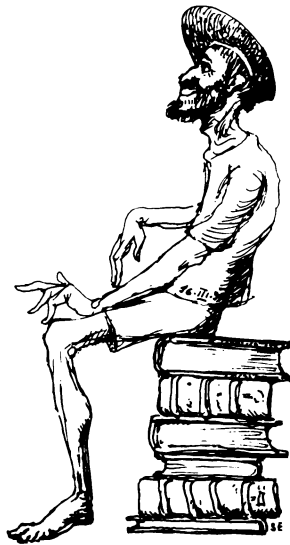
яйцо. вот видишь всеж-таки ты треснуло не вдруг
мне стало холодно и мокро здесь лежать
твой смех не к месту был. мне жаль твоих друзей
приятелей твоих мне жаль. я лягу на кровать.

скорлупа. секрет открою я тебе яйцо.
не смех явился трещины причиной,
то гром разбил меня на эти половины.
и близок, близок нашей час кончины.

яйцо. о смерти говоря ты мелешь чепуху,
меня напрасно этим раздражая,
душа моя нетленна и чиста
на волю просится она.

А.Х.

КРИТСКИЕ ВЫМЫСЛЫ



КРИТСКИЕ ВЫМЫСЛЫ

Дедал парил по небу
Икар сидел внизу
Дедал там прежде не был
Икар доил козу

Дедал кричит: Скорее,
А то я рассержусь
Скажи: по небу рея
Как я тебе кажусь?

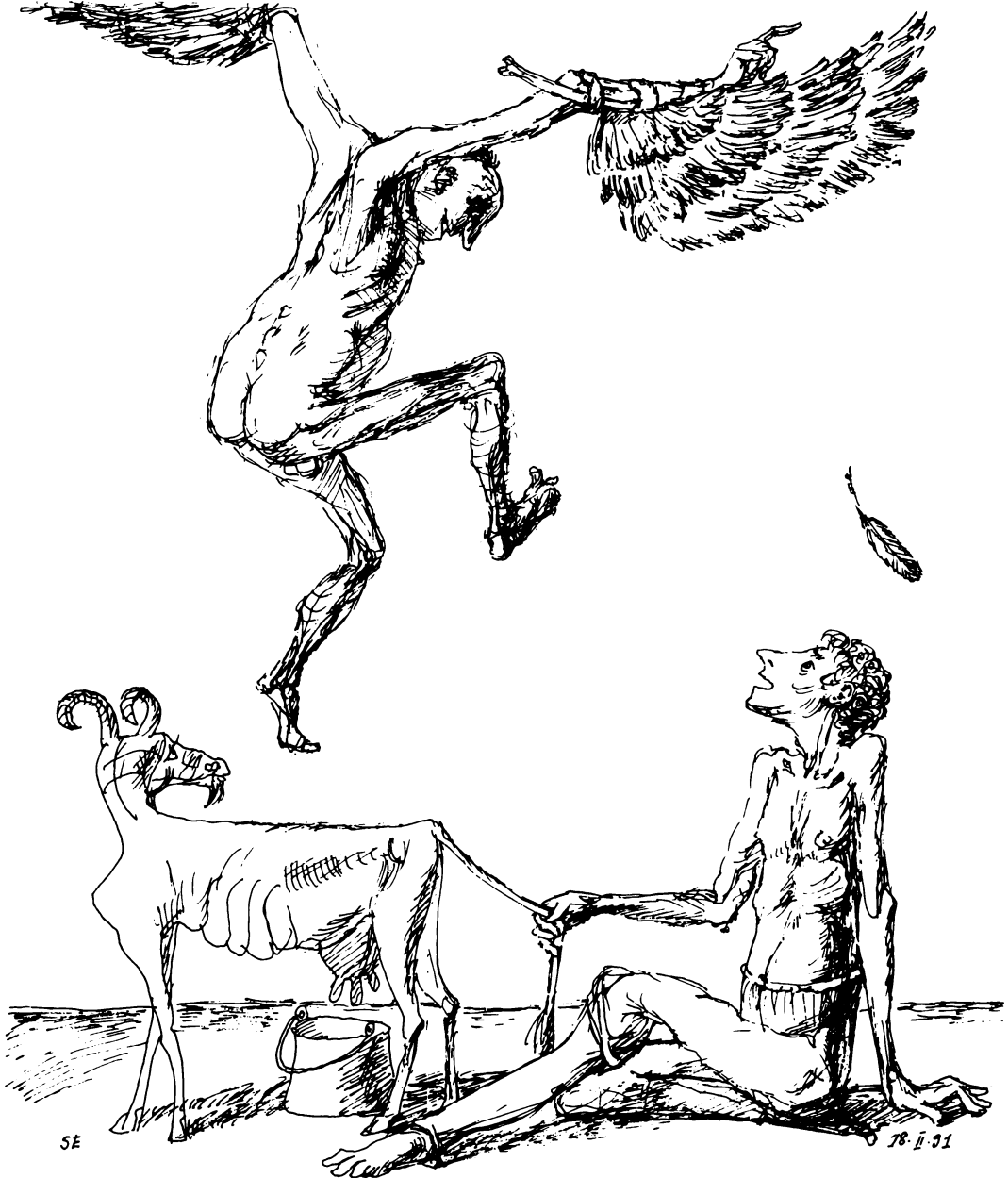
Икар на четвереньках
Поднявши вверх тузы
Помедливши маленько
Сказал из-под козы:

Он так сказал: Папаша,
Ты ах как высоко
А дома стынет каша
И киснет молоко

Тебе-то хорошо там
Всю птицу ошипав
Рулить своим полетом
Ни разу не упав

А дома разорение
Как дым летает пух
Поет как привидение
Морщинистый петух

А одадь за околицей
Гусак идет нагой
То о лопух уколется
То топает ногой



SE

78-11-91

Его гусыня голая
Бесчувственная тварь
Гуляет развеселая
Красна как киноварь

А деткам какво их
Спод век незрельх ок
Родителей обоих
Вдруг видеть без порток?

Всеобщее распутство
И шаткость в жизни сей
Вот плод летать искусства
И всех твоих затей!

Дедал сказал снижаясь:
Сьночек мой сынок
Душа моя сжимается
Совсем как пузырек

Чем больше я летаю
Тем больше я хочу
Желание питаю
Плевать на эту чужь.

И так развеся уши
Повисверху Дедал
Икар его послушал
Ни слова не сказал

Ни слова ни словечка
Козу свою доя
Под вымечко овечки
Усмешку затая

А.В.

ЧАСТУШКИ



чапушки

Виноградарь пашет почву
Возле новенькой лозы
Приведите к нему дочку
Он развяжет ей узы

Построили заборы
Забыли ворота

Тракторист сидит в комбайне
Крутит-вертит рычаги
А его подруга в бане
Кажет в окна три ноги

Построили ворота
Забыли запоры

Полетела пчелка в поле
Собирать цветочный дух
Цветик взвыл от острой боли
Наклонился и набух

Косили поленья
Упали с обрыва

Стоит в поле колокольня
Нету в ней колоколов
Колокольчик нынче в штольне
На шейх у шахтеров

Доили корову
Остригли овечку



S. E.

17.11.51

Аэроплан летит по небу
Видит-слышит все кругом
Тот кто раньше в небе не был
Будет на небе потом

Искали любимца
Нашли незнакомца

Не зови меня Иваном
Я теперь Иван Кузьмич
У меня в боку две раны
Между яйцами кирпич

Ловили рыбу
Словили по рылу

Комариное подворье
Собралось на сельсовет
На скамьях сидят по двое
Только застыт белый свет

Зачем нам телега
Коль нету мазута?

Не цвети моя родная
Все равно не зацветешь
До утра поспим в сарае
Рано утром все поймешь

А.Х.В.



РИСУНКИ СЕРГЕЯ ЕСАЯНА

ALEXEI KHVOSTENKO
HENRI VOLOHONSKY
"GORODSKIYE POLIA"
(CITY FIELDS)

Compiled, designed
and illustrated
by SERGEI ESSAIAN

This first edition consists
of two hundred and fifty copies,
numbered 1 to 250.

Paris, 1991

Imprimerie GAMMA - Paris (1) 42 08 07 30

АЛЕКСЕЙ ХВОСТЕНКО
АНРИ ВОЛОХОНСКИЙ
«ГОРОДСКИЕ ПОЛЯ»

Составление, макет
и иллюстрации
СЕРГЕЯ ЕСАЯНА

Тираж 250 экз.

МЫ ГЛУБОКО ПРИЗНАТЕЛЬНЫ Г-НУ М.ХВОЛЕСУ
ЗА ПОМОЩЬ В СОЗДАНИИ ЭТОЙ КНИГИ

Андрей
Хволес.
Essian

№89

